

Суммируя датирующий материал и учитывая различия в стратиграфическом положении строительных остатков в самом послеготском слое, можно сделать вывод о том, что перечисленные монетные находки и наиболее поздние предметы керамического комплекса (амфора ягнятинского типа) дают, очевидно, две крайние даты, которые могут считаться хронологическими границами послеготского слоя — середина III — вторая половина IV в. н. э.

Столь позднее выделение лежащего сверху слоя III—IV вв. в Тире можно объяснить рядом обстоятельств, как общих для некоторых античных памятников, так и специфических. Уже указывалось на разрушения, связанные с бурным строительством на этой же площади в XIII—XIV вв. Общим было резкое уменьшение монетных находок в связи с прекращением местной чеканки, отсутствии ярких датирующих материалов. Наконец, установившееся в литературе и ставшее традиционным утверждение о гибели города в середине III в. н. э., подкрепленное авторитетом крупных ученых³⁸, и отсутствие при раскопках прежних лет твердо датированного пласта строительных остатков не позволили преодолеть при определении времени наслоения самого последнего периода жизни Тире рубеж середины III в. н. э.

Только в работах последних лет выделены напластования и некоторые группы находок III—IV вв. н. э. в Танаисе³⁹ и на сельских поселениях Боспора⁴⁰. Последующие наблюдения при выявлении в 1973—1974 гг. остатков нескольких построек, определении связи жилых поверхностей, трамбовок и вымосток в разных местах вновь раскрытой части Центрального раскопа показали, что и в самом послеготском слое существует два перекрывающие друг друга горизонта, соответствующие двум периодам строительства после середины III в. н. э.

Ранее было установлено, что вымостка (193), проложенная в верхнем горизонте по Второй продольной улице, специально не предназначалась для подхода к послеготскому дому, поскольку она резко сворачивает к северо-западу, смыкаясь с вымостками между двумя помещениями этого же слоя. С юго-востока к вымостке примыкает помещение с полом (отметка поверхности 17,81 м) из крупных плит (244); подошвы кладок, образующих его западный угол, имеют одинаковую глубину заложения с вымосткой (отметка 17,55 м). Между тем подошвы стен расположенного рядом к юго-западу послеготского дома (отметка 18,0 м) заложены выше на 0,45 м.

Таким образом, вымостка улицы и помещение из плит, с одной стороны, и послеготский дом — с другой, лежат в разных горизонтах одного слоя. Последнее подтверждается распространением мощеной мелким камнем и утрамбованной поверхности с отметкой 17,7—17,75 м от юго-юго-западной стены помещения с полом из плит под подошву северо-северо-восточной стены послеготского дома. При раскопках послеготского дома ниже его пола на отметке 17,7—17,8 м встречена жилая поверхность с очагом и кладкой (91), мало связанная со стенами дома и относящаяся, очевидно, еще к предшествующему периоду.

Античная кладка (261), перекрытия нивелировочной подсыпкой, разделяющей средневековые и позднеантичные слои, выявлена над уровнем пола наземного помещения, включающего подвал, сооруженный на куртине цитадели (150) с лестницей. По-видимому, в первый

³⁸ Т. Моммзен. История Рима, т. V. М., 1949, с. 206—207.

³⁹ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 307—335.

⁴⁰ И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 26—27.

период после разрушения цитадели был построен дом с подвалом (150), очевидно, синхронный помещению III на юго-западном углу здания вексилляции и помещению (244), перекрывающему его вход. К этому же периоду относится вымостка по Второй продольной улице.

Во второй период на повысившейся дневной поверхности были возведены стены послеготского дома, кладка (197) постройки к северо-западу от него и кладка (161), пересекающая наземное помещение дома с подвалом (150).

Подобная ситуация наблюдается и в других местах территории цитадели, где сохранились на разных горизонтах отдельные кладки как первого, так и второго периодов позднеантичной застройки. К первому относятся остатки стен (139, 142, 153) помещений у северо-западного фасада круглой башни (рис. 3), исключаяющих ее военное использование; подошвы этих кладок лежат ниже уровня основания стен расположенного рядом послеготского дома (88); ко второму — кладка верхнего горизонта (54), пересекающая по направлению запад—восток стену цитадели (235—231).

Таковы в общих чертах результаты в составлении стратиграфической схемы позднеантичных напластований Тире II—IV вв. н. э. Раскопки последних более чем 10 лет позволили различить в остатках Тире римского времени два основных слоя. К нижнему относится открытая цитадель римского гарнизона, датируемая II — первой половиной III в. н. э. К верхнему, впервые выделенному и продатированному второй половиной III—IV вв. н. э., — постройки, возникшие на развалинах цитадели. В пределах последнего этапа жизни города, получившего отражение в верхнем слое, намечаются два перекрывающие друг друга периода возведения построек.

А. В. ГУДКОВА

К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА СТЕПНОЙ ЗОНЫ СССР

Длительное время в советской археологии господствовало, да и сейчас еще распространено мнение о том, что черняховская культура связана в основном с лесостепью. Считалось, что степи в силу своих физико-географических условий были непригодными для обитания носителей этой культуры¹. Впервые это представление было поколеблено в 40-е и особенно в 50-е годы с открытием в степном Поднепровье многочисленных памятников, поселений и могильников, которые исследователи без колебаний определили как черняховские². Это определение и сейчас остается общепринятым. Предполагалось, что памятники порожистой части Днепра составляют особую группу в черняховской культуре³. Южной границей распространения памятников на Днестре счи-

¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. — МИА, № 89. М., 1960, с. 106, 159.

² Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. — СА, 1955, т. XXIV; Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном. — СА, 1955, т. XXII; А. Т. Брайчевська. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі. — Археологія, т. XI. К., 1957, с. 4.

³ Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном, с. 152. Нами материалы Надпорожья и порожистого Днепра подробно не рассматриваются, как и отношение их к прочим памятникам степной зоны.

тался район Никополя⁴. В остальной зоне степей были известны только отдельные черняховские памятники (погребения в Заплазах⁵ и Даниловой Балке⁶).

Параллельно М. А. Тихановой на материалах с территории Румынии был выделен в ареале черняховской культуры «район Дунайского бассейна», в который оказались включенными степи Буджака, но без морского побережья⁷. Памятники Низового Днепра были оставлены М. А. Тихановой вне вариантов⁸. Как отдельную локальную группу рассматривал степные памятники Г. Б. Федоров⁹. Тогда же в результате раскопок в Дудчанах¹⁰ и Бериславе¹¹, а затем разведок Л. М. Славина на Нижнем и Среднем Ингульце¹² и в округе Ольвии¹³ стали известны поселения, на которых обнаружена керамика, сопоставимая с черняховской, но дома строились из камня, что совершенно не характерно для черняховских поселений лесостепи. Впервые с объектами такого типа наука познакомилась после раскопок К. А. Раевского в Киселове¹⁴ в 1938—1940 гг. Памятники эти довольно единогласно были восприняты как особая группа, отличная от черняховских, однако вопрос о ее культурной принадлежности и до настоящего времени мало разработан. Именно в таком виде закреплены представления о степных памятниках в итоговой для своего времени работе Е. В. Махно. Как черняховские его определены поселения и могильники степного Поднепровья. Основная же масса памятников степи отнесена к числу черняховских условно и с большими оговорками, хотя автор и допускала, что дальнейшее их исследование может подтвердить принадлежность этих объектов к черняховской культуре. Кроме того, в приморской зоне ею была выделена особая категория «поселений с каменным домостроительством» и черняховским керамическим комплексом, возможность отнесения которых к черняховской культуре казалась весьма проблематичной¹⁵. На какое-то время утвердилось представление, что в степь проникали лишь отдельные черняховские памятники¹⁶. За прошедшее с тех пор время — сначала на побережье Черного моря и его лиманов, а затем повсеместно в степях Одесской и Николаевской областей и в правобережье Херсонской — открыто большое количество памятников

⁴ А. Т. Браичевська. Південна межа..., с. 11.

⁵ М. А. Тиханова. О локальном варианте черняховской культуры. — СА, 1957, № 4, с. 177.

⁶ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. — МИА, № 82. М., 1960, с. 35—36.

⁷ М. А. Тиханова. Указ соч., рис. 1.

⁸ Там же, с. 177 и рис. 1.

⁹ Г. Б. Федоров. Указ соч., с. 70.

¹⁰ А. Т. Браичевская. Раскопки у с. Дудчаны в 1954 г. — КСИА, вып. 5. К., 1955.

¹¹ Е. В. Махно. Раскопки Бериславского поселения и могильника в 1952—1953 гг. — КСИА, вып. 4. К., 1955; Е. В. Махно, В. А. Мізін. Бериславське поселення та могильник перших століть нашої ери. — АП, т. X. К., 1961.

¹² Л. М. Славин. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. — КСИА, вып. 3. К., 1954; его же. Раскопки поселений первых веков нашей эры на Ингульце в 1952 г. — КСИА, вып. 4. К., 1955.

¹³ Л. М. Славин. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 рр. — АП, т. V. К., 1955.

¹⁴ К. А. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра — Днестра в I тыс. н. э. — СА, 1955, т. XXIII.

¹⁵ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР, с. 14 и карта.

¹⁶ М. А. Тиханова. Указ. соч., с. 177—178; Г. Б. Федоров. Указ. соч., с. 162.

римского времени, сопоставимых по ряду элементов культуры с черняховскими¹⁷. Число их ежегодно умножается.

Важнейшим открытием является обнаружение повсеместно в степях могильников типа полей погребений с характерным для черняховской культуры биритуализмом и черняховским погребальным инвентарем. Первоначально были открыты могильники Викторовка-II¹⁸, Коблево¹⁹ в Николаевской области. Затем в Одесской стали известны могильники такого облика в с. Приморское²⁰ и Фрунзовка, впервые опубликован раскопывавшийся еще в 1959 г. могильник возле с. Фрунзовка²¹. В последние годы стал известен такой же объект на Тилигуло-Березанском лимане у с. Осетровка (бывш. Каборга)²².

В результате накопления новых сведений возникла необходимость вновь осмыслить отношение к черняховской культуре памятников степи²³. Установлено, что между черняховскими памятниками лесостепи и отдельными сопоставимыми с ними памятниками юга нет лакуны, как это представлялось раньше²⁴. Памятники рассматриваемого типа распространены в степях повсеместно по берегам всех степных речек, их притоков и озер на крайнем юге. Выявление же могильников полей погребений еще больше сблизило степные памятники с лесостепными. Возникло принципиально новое представление о заселенности в римское время степной зоны, где ранее были известны в основном сарматы.

В решении вопроса о культурной атрибуции степных памятников существуют две тенденции. Некоторые исследователи, учитывая значительные отличия этих объектов от эталонных памятников в лесостепи, воздерживаются от безоговорочного причисления всех их, или части,

¹⁷ Н. М. Шмаглий. Археологические разведки в зоне строительства Придунайской (Татарбунарской) оросительной системы в 1963 г. — КСОАМ за 1963 г. Одесса, 1965; Л. В. Субботин. Археологическая разведка берегов р. Ташбунар. — ЗОАО, т. II (35). Одесса, 1968; его же. Розвідки археологічних пам'яток по берегах оз. Кагул та р. Карасулак. — Археологія, т. XXI. К., 1968; И. Т. Черняков. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра (Материалы к археологической карте). — МИА, № 139. М., 1967; Н. М. Кравченко. К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья. — МАСП, вып. 7. Одесса, 1971; ее же. Работы черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции. — Археологические исследования на Украине в 1968 г., вып. III. К., 1971; О. Г. Шапошникова, И. Н. Шарафудинова, В. И. Никитин, Г. П. Ребедаило. Работы Ингульской экспедиции. — Археологические исследования на Украине в 1968 г., вып. III. К., 1971, с. 30; Э. А. Симонович. Черняховские памятники Северо-Западного Причерноморья. — АО 1965 г. М., 1966; О. В. Гудкова. Розвідка берегів озера Китай. — Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., вип. IV. К., 1972; ее же. Разведки в степном Заднестровье. — АО 1973 г. М., 1974.

¹⁸ Э. А. Симонович. К вопросу о проникновении..., с. 183; его же. Первый черняхівський могильник в Північному Причорномор'ї. — Археологія, т. XX. К., 1966.

¹⁹ Э. А. Симонович. Раскопки черняховского могильника в с. Коблево. — АО 1969 г. М., 1970, с. 262—263; его же. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. — МИА, № 139. М., 1967.

²⁰ Г. И. Криволап. Похоронения римского часу в Тире та її околиці. — Археологические исследования на Украине в 1969 г. К., 1972; Э. А. Симонович. Работы николаевского отряда в Херсонской и Одесской областях. — АО, 1972 г. М., 1973, с. 335.

²¹ А. А. Кравченко. Могильник черняховской культуры в селе Фрунзовка. — МИА, № 139. М., 1967.

²² Б. В. Магомедов. Новый черняховский памятник на Березанском лимане. — АО 1973 г. М., 1974.

²³ История и археология юго-западных областей СССР. — МИА, № 139. М., 1967, с. 3.

²⁴ Г. Ф. Никитина. Классификация лепной керамики черняховской культуры. — СА, 1966, № 4, с. 71.

к черняховской культуре²⁵. Высказано предположение о возможности выделения памятников с каменным домостроительством в особую группу, сочетающую в себе элементы позднескифские и черняховские²⁶.

Пока остается неразработанной аргументация включения степи в ареал черняховской культуры. При этом в зависимости от отношения исследователя к вопросу о единстве этой культуры памятники степи понимаются либо как ее локальный вариант²⁷, либо как часть единого целого (работы Э. А. Сымоновича). Все чаще при оценке степных памятников, особенно когда она дается походя, исследователи, не доказывая специально их принадлежность к черняховской культуре, исходят из этого положения как само собой разумеющегося. Однако оно с необходимой степенью строгости пока не доказано. Очевидно, нужна выработка и последовательное применение четкого критерия для отнесения памятников к черняховской культуре, без чего все оценки будут субъективными, хотя и не исключено, что какая-то из них окажется правильной. Вряд ли может вызвать возражения положение о том, что критерий должен представлять собой сумму устойчивых признаков, каждый из которых следует анализировать во всем его объеме, а не на выборочном материале или односторонне. Существует мнение, что необходимо учитывать весь комплекс находок²⁸. Для черняховской культуры относительно устойчивыми являются следующие признаки, из которых складается критерий определения культурной принадлежности: наличие определенного керамического комплекса; топография, планировка и общий облик поселений; жилища и приемы домостроительства; погребальный обряд; бытовые предметы; украшения и орнамент²⁹.

Итак, идеальным случаем было бы сравнение указанных признаков на памятниках степи с такими же явлениями в эталонном районе. Однако при этом возникает большая и пока еще незначительно преодоленная трудность. Подавляющее большинство памятников в степи известно только по материалам разведки. Следовательно, возможности исследователей крайне ограничены и зачастую сводятся к анализу подъемной керамики, общей характеристике поселений, иногда характера жилищ.

Степень обоснованности отнесения памятников степи к числу черняховских можно четко уяснить, лишь рассмотрев, насколько полно и аргументированно разработан каждый из элементов критерия применительно к этим памятникам.

Черняховский керамический комплекс состоит из следующих категорий керамики:

а) гончарной сероглиняной, в подавляющем большинстве лощеной (ее обычно считают столовой посудой);

²⁵ Г. Ф. Никитина. Указ. соч., с. 71; Н. М. Кравченко. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках. — КСИА, вып. 121. М., 1970 (карта).

²⁶ М. Б. Шуклин. «Европейская Сарматия» и черняховская культура (хронологические соотношения). Автореф. канд. дис., Л., 1971, с. 8.

²⁷ Е. В. Махно. Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов. — КСИА, вып. 121. М., 1970.

²⁸ И. С. Каменецкий. Археологическая культура, ее определение и интерпретация. — СА, 1970, № 2, с. 25.

²⁹ М. А. Тиханова. Указ. соч., с. 170; Г. Б. Федоров. Указ. соч., с. 68, 163; Э. А. Рикман. О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 185—188.

б) гончарной сероглиняной шероховатой (включая зерновики), очевидно, преимущественно кухонного и хозяйственного назначения;

в) лепной кухонной;

г) римских амфор и иногда в небольшом количестве римской красноглиняной столовой посуды.

При определении культурной принадлежности памятника керамический комплекс необходимо учитывать в целом, хотя анализировать его удобнее по названным категориям посуды. Однако в этом заложена опасность на основе лишь керамики сделать далеко идущие выводы. Так случилось с И. Т. Черняковым, отнесшим, хотя и предваритель- но, к черняховской культуре значительное число поселений в междуречье Днестра и Дуная на основании наличия на них обломков римских амфор³⁰, что уже подвергалось критике³¹.

Разработанность категорий черняховской керамики для степных памятников, как и оценка их культурно-атрибутивного значения, различны. Анализ римских амфор и в меньшей степени красноглиняных сосудов, являющихся импортом, производится обычно в целях датировки. Однако наличие или отсутствие импортного материала, как и его количество, также характеризуют культуру³². Сероглиняная столовая посуда представляет собой одну из основ сопоставления керамики памятников степи и лесостепи. Общее визуальное впечатление и сравнение отдельных форм действительно свидетельствуют об их сходстве. Однако, поскольку дальше выборочного сравнения по отдельным памятникам³³ дело пока не пошло, степень схождения, а следовательно, и его значение остаются неясными. Кроме того, нет единого мнения, как и разработанной аргументации, по вопросу о культурно-атрибутивном значении этой керамики вообще. Обычным является утверждение, что она возникла под мощным культурным влиянием Рима и поэтому представляет собой явление, в известной мере привносное и характерное в разных модификациях для многих провинциально-римских культур. Исходя из этой точки зрения, общее сходство и совпадение отдельных форм возможно не только в пределах одной культуры, но и между культурами, особенно если они родственны. В то же время некоторые исследователи придерживаются противоположной точки зрения и считают рассматриваемую категорию керамики важным культурным признаком³⁴.

Слабо обоснованным и разработанным оказывается сейчас и сопоставление этой керамики с материалами римских слоев Ольвии и Тиры. Это, к сожалению, относится не только к материалам степных памятников, но и ко всей черняховской культуре. Утверждение об их сходстве стало общим местом, кочующим из работы в работу, но никем специально не исследованным. Параллельно существует мнение об отличии сероглиняной посуды поселений и могильников Северного Причерноморья первых веков нашей эры от сероглиняной посуды римского времени из Ольвии³⁵.

Вопрос о станковой шероховатой кухонной посуде специально не разрабатывался, однако существует мнение, что она специфична для

³⁰ И. Т. Черняков. Указ. соч.

³¹ Е. В. Махно. Об основных задачах..., с. 61.

³² И. С. Каменецкий. Указ. соч., с. 25.

³³ См., например, сопоставления для керамики поселения Викторовка-II (Э. А. Сымонович. К вопросу о проникновении..., с. 184, рис. 1).

³⁴ Э. А. Сымонович. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия нашей эры. Автореф. докт. дис., М., 1971, с. 9, 21—22.

³⁵ Т. А. Брайтчевська. Південна межа..., с. 12.

черняховской культуры³⁶. Обычно наблюдаемое присутствие ее в керамическом комплексе степных памятников, безусловно, усиливает представление о его черняховском характере. Однако специального анализа за этого материала по памятникам степи также не производилось.

За лепной керамикой все исследователи признают первостепенное этнографическое значение. Однако изучение лепной керамики степных поселений находится пока в зачаточном состоянии. Специально в 50-е годы рассматривался материал только Нижнего Поднепровья³⁷, и тогда был сделан вывод о единстве ее облика с лепной керамикой всей черняховской культуры. При этом отмечалось заметное сходство с керамикой скифо-сарматской и городов Северного Причерноморья³⁸, а для отдельных форм — и с посудой причерноморских поселений эллинистического времени³⁹. Кроме того, по материалам памятников побережья Тилигульского лимана выявлено заметное отличие ведущих форм лепной посуды от материалов лесостепи⁴⁰. В то же время для района порожистого Днепра установлено наличие особой, необычной для всей черняховской культуры группы лепной посуды⁴¹. С памятников, раскапывавшихся позднее, лепная керамика публиковалась выборочно. В специальную работу Г. Ф. Никитиной известный тогда немногочисленный материал включен не был, так как автор сомневалась в возможности отнесения к черняховской культуре южных памятников с каменным домостроительством⁴². На памятниках, известных только по разведке, наличие лепной керамики в большинстве случаев фиксируется, хотя она и сильно измельчена. Правда, на основе наблюдений на памятниках Заднепровья высказано мнение о ее некотором своеобразии⁴³.

Следовательно, нет убедительных сопоставлений массового материала степных памятников с керамикой эталонного района лесостепи. Исследователи по-прежнему ограничиваются констатацией сходства их керамического комплекса с черняховским, хотя этот вывод был сделан тогда, когда рассматриваемые памятники только стали известны. Тем не менее именно керамика дает многим исследователям основание относить памятники степной зоны к числу черняховских⁴⁴, что вряд ли можно считать методологически безукоризненным. Даже если и исходить из тождества керамики степных и лесостепных памятников, то и тогда нельзя доказать культурное единство.

Неправомерность такого вывода констатировалась еще в 50-е годы⁴⁵. Возможно, менее скептически следует подойти к попытке выделить на основе отличий в керамике вариант черняховской культуры, хотя в этом случае следует говорить скорее о варианте черняховского керами-

³⁶ Е. В. Махно. Об основных задачах..., с. 61.

³⁷ Э. А. Симонович. Лепная посуда черняховской культуры Нижнего Днепра. — КСИИМК, вып. 68 М., 1957.

³⁸ Там же, с. 19.

³⁹ Э. А. Симонович. О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. — КСИИМК, вып. 65 М., 1956, с. 133.

⁴⁰ Там же, с. 134.

⁴¹ М. А. Тиханова. Указ. соч., с. 175.

⁴² Г. Ф. Никитина. Указ. соч., с. 71.

⁴³ Н. М. Шмаглий. Археологические разведки..., с. 53.

⁴⁴ И. Т. Черняков. Памятники черняховской культуры...; Н. М. Шмаглий. Археологические разведки..., с. 53; Л. В. Субботин. Археологическая разведка берегов реки Ташбунар; Н. М. Кравченко. К изучению памятников...; О. В. Гудкова. Розвідка берегів озера Китай.

⁴⁵ М. А. Тиханова. Указ. соч., с. 16.

ческого комплекса. Вряд ли методологически безукоризненно поступила Е. В. Махно, выделившая южно-степной вариант черняховской культуры⁴⁶, исходя как из очевидного из принадлежности памятников по берегам крупных рек в степи к черняховской культуре, что еще требует доказательств, а затем определяя вариант культуры по особенностям керамики.

Накопление за последние годы большого фактического материала позволяет выделить в изучении керамики несколько первостепенных, по нашему мнению, задач. В разработке вопроса о сходстве керамики степных и лесостепных памятников необходимо перейти от констатации общего сходства и сопоставления отдельных форм к составлению по всему материалу сравнительных формально-типологических таблиц. Только они позволяют объективно оценить меру сходства, причем на первый план выдвигается вопрос о специфике керамики степей. Выделение и разработка одного только сходства с собственно черняховской керамикой, закономерные сначала, могут затормозить понимание особенностей памятников юга⁴⁷.

Важным средством решения этой задачи, кроме формально-типологического сопоставления, является сравнение количественных соотношений различных категорий и форм керамики в сравниваемых комплексах. Разработка количественных характеристик для памятников степи находится на уровне публикаций по отдельным памятникам. Кроме того, авторы подсчетов не сообщают о своей методике количественных определений, поэтому остается неясной возможность сопоставления результатов. Методы математической статистики к этому материалу вообще не применялись.

Однако все сказанное выше не означает, что даже предварительное и ограниченное по возможности выводов изучение керамики не может дать значимых результатов. Один такой результат уже имеется — это обнаружение поселений с отличным от рассматриваемого керамическим комплексом. Впервые это наблюдение было сделано Н. М. Шмаглием⁴⁸. Памятники обоих видов в основном синхронны, так как все они датируются римскими амфорами. На одних из них наряду с амфорами представлены еще и прочие компоненты черняховского керамического комплекса, а на других в лучшем случае есть обломки трудно определяемых лепных сосудов, фрагменты сероглиняной станковой посуды или отсутствуют, или единичны и при этом маловыразительны. Так, Н. М. Кравченко из 15 проанализированных ею памятников Буджака римского времени к черняховским отнесла только 6⁴⁹. Такое же явление отмечено И. Т. Черняковым⁵⁰ и подтверждается последующими разведками⁵¹. Все эти поселения, по разведочным данным, больше ничем не различаются. Они находятся в одинаковых топографических условиях и расположены вперемежку и в непосредственной близости друг к другу. Пока ни один подобный памятник не раскапывался. Безусловно, такие раскопки являются одной из первоочередных задач.

⁴⁶ Е. В. Махно. Знову про локальні варіанти черняхівської культури. — Археологія, т. XXIV, К., 1970; ее же. Об основных задачах...

⁴⁷ Н. М. Кравченко. К изучению памятников..., с. 52.

⁴⁸ Н. М. Шмаглий. Археологические разведки..., с. 53. Интересные наблюдения сделаны на основе количественных соотношений групп керамики по материалам Буджака, где замечено отличие от соотношений в комплексах лесостепного Поднепровья (Н. М. Кравченко. К изучению памятников..., с. 58—59).

⁴⁹ Н. М. Кравченко. К изучению памятников...

⁵⁰ И. Т. Черняков. Памятники черняховской культуры...

⁵¹ А. В. Гудкова. Разведки в степном Заднепровье.

При изучении характера поселений черняховского типа значительных разногласий не возникает. Топография поселений и характер их планировки в степи практически не отличаются от известных в лесостепи. Они находятся обычно в нижней части пологих склонов речных долин (иногда на таких же пологих мысах), близко у воды, вытянуты вдоль берега. Там, где это удалось проследить, жилища расположены двумя параллельными рядами. Поселения неукрепленные. Вряд ли можно считать важным отличием расположение некоторых поселений (например, Викторровка-II, Фурмановка, Нагорное-II и Нагорное-III) на обрывистом берегу лимана или озера, хотя такое мнение и было высказано по поводу Фурмановки⁵². Очевидно, более важной особенностью следует считать малые по сравнению с лесостепью размеры поселений, протяженность которых вдоль берега лишь в редких случаях приближается к 500 м, а обычно значительно меньше. Это явление специально отмечалось ранее для района Никополя⁵³.

Сложнее трактовать характер домостроительства. Здесь разногласия начинаются уже с определения значимости этого признака. Большинство исследователей он оценивается очень высоко (М. А. Тиханова, Г. Б. Федоров, М. Б. Шукин и др.). Обособленным является мнение Э. А. Симоновича, который считает характерные особенности поселений и домостроительства менее значимыми⁵⁴.

В настоящее время, кроме давно известных поселений степного Поднепровья, раскапывалось 19 поселений (Нерушай, Мирное, Нагорное-II, Дракуля, Приморское, Киселово, Викторровка-II, Фурмановка, Капустино, Тилигуло-Березанка, Коблево, Снигиревка, Афанасьевка, Дарьевка, Берислав, Дудчаны, Гавриловка, Грушевка, Кут). Установлено, что на степных поселениях с керамическим комплексом черняховского типа применялись три вида жилищ: землянки или полужемлянки (Викторровка-II⁵⁵, Тилигуло-Березанка⁵⁶, Нагорное-III⁵⁷), наземные глинобитные жилища (Нерушай⁵⁸, Нагорное-II⁵⁹) и каменные дома (Фурмановка⁶⁰, Коблево⁶¹, Мирное⁶² и др.). Вариантом последнего типа являются каменно-саманные дома в Киселово⁶³. При этом пока не замечено разницы в материалах поселений с разным домостроительством⁶⁴. Установлено, что землянки и каменные дома могли применяться на одних и тех же поселениях (Тилигуло-Березанка⁶⁵ и Викторровка-II⁶⁶).

⁵² Н. М. Кравченко. К изучению памятников..., с. 53, 62.

⁵³ А. Т. Брайчевська. Південна межа..., с. 11.

⁵⁴ Э. А. Симонович. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия нашей эры, с. 9.

⁵⁵ Э. А. Симонович, А. З. Яровой. Поселение Викторровка-II в устье Сосицко-Березанского лимана. (По материалам раскопок М. Ф. Болтенко). — СА, 1968, № 2.

⁵⁶ Э. А. Симонович. Итоги исследований..., с. 209, 212, рис. 2.

⁵⁷ А. В. Гудкова. Отчет об археологических разведках в междуречье Днестра и Дуная в 1973 г. — Архив ОАМ.

⁵⁸ Н. М. Кравченко. К изучению памятников..., с. 54.

⁵⁹ Л. В. Субботин. Отчет. — Архив ИА АН УССР, № 5470-72.

⁶⁰ Н. М. Кравченко. К изучению памятников..., с. 68.

⁶¹ Э. А. Симонович. Итоги исследований..., с. 217, 218, рис. 7.

⁶² Н. М. Кравченко. Работы черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции, с. 41—42.

⁶³ К. Е. Раевский. Наземные сооружения..., с. 265.

⁶⁴ Известны отдельные поселения с каменными домами, например Берислав, в керамическом комплексе которых ярко выражены скифские и сарматские черты (Е. В. Махно, В. А. Мізін. Указ. соч., с. 124—126).

⁶⁵ Э. А. Симонович. Итоги исследований..., с. 230—231.

ка-II⁶⁶). При этом каменные дома оказываются явлением более поздним, так как они или перекрывают землянки (Викторровка-II), или стоят на культурном слое (Коблево).

Таким образом, каменное домостроительство оказывается распространенным в степях от Днестра до Дуная, но не является единственно возможным на поселениях с керамикой черняховского типа. Это весьма важный вывод. Первоначально именно наличие каменных домов не позволяло относить поселения Причерноморья к черняховским⁶⁷. Отрицалась даже сама возможность заимствования черняховскими племенами, распространение которых предполагается к югу, новых навыков домостроения у местного эллинизированного населения⁶⁸. Существует мнение о принадлежности поселений с каменным домостроительством именно этому населению⁶⁹. По этому признаку рассматриваемые памятники оказались объединенными в один тип поселений с каменным домостроительством. При всей первостепенной значимости характера жилища для определения культурной принадлежности вряд ли можно ограничиваться только этим признаком. Не исключено, что в числе поселений с каменным домостроительством в результате недостаточной изученности оказались объединенными разнородные (хотя и синхронные) объекты. Необходимость расчленения их массы на разные группы назрела уже давно⁷⁰. Высказывалось предположение о возможности особо выделить памятники типа Берислава и Дудчана⁷¹ с ареалом в низовьях Буга, Ингула и Ингульца. Такое выделение, возможно, не лишено основания, но вряд ли удачным является обозначение «культура с каменным строительством»⁷². Каменное домостроительство само по себе уже не может быть определяющим для культурной атрибуции поселений в Причерноморье.

Теперь, когда многие южные поселения, в том числе и с каменными домами, трактуются безоговорочно как черняховские, возникает вопрос о причинах появления у этого якобы продвинувшегося на юг из лесостепи населения каменных домов. Поскольку речь идет не просто об изменении техники строительства, а о появлении иного плана и структуры жилища, вряд ли возможно все сводить к новым физико-географическим условиям зоны обитания⁷³ или же к заимствованию⁷⁴. Очевидно, именно анализ характера и причин происшедших перемен

⁶⁶ В публикации Э. А. Симоновича и А. З. Яровой «Поселение Викторровка-II...» имеется ошибочное утверждение о том, что на поселении Викторровка-II каменного домостроительства не было. Каменные дома на поселении упомянуты в отчете Л. М. Славина (Л. М. Славін. Археологічні дослідження..., с. 145—146). Выполненная М. Мальцевым под руководством автора разработка полевых документов и отчета М. Ф. Болтенко, хранящихся в архиве ОАМ (инвентарный № 920—925), не вошедших в публикацию Э. А. Симоновича и А. З. Яровой, показала, что на поселении имелись каменные дома, перекрывавшие землянки (по сообщению М. Мальцева на XXI Всесоюзной студенческой археологической конференции).

⁶⁷ Т. А. Брайчевська. Південна межа..., с. 8; М. А. Тиханова. Локальные варианты черняховской культуры, с. 178; Э. А. Симонович. О некоторых типах поселений..., с. 134—135.

⁶⁸ Э. А. Симонович. Памятники..., с. 315.

⁶⁹ К. А. Раевский. Указ. соч., с. 275; Э. А. Симонович. К вопросу о проникиновени..., с. 183.

⁷⁰ Э. А. Симонович. К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры. — СА, 1962, № 2, с. 43.

⁷¹ М. Б. Шукин. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры. — АСГЭ, вып. 12. Л., 1970, с. 54, 61.

⁷² М. Б. Шукин. «Европейская Сарматия» и черняховская культура, с. 8.

⁷³ Э. А. Симонович. Итоги исследований..., с. 235.

⁷⁴ Э. А. Симонович. Племена Поднепровья..., с. 16.

(если считать, что черняховские племена переселились на юг из лесостепи) или отличий степных поселений (если считать, что их обитатели местного происхождения) и является главным в изучении поселений. Для решения этой задачи необходимо вскрытие больших площадей на поселениях и выявление планов целых домов.

Обнаружение в степной зоне могильников типа полей погребений с биритуализмом, характерным для черняховской культуры, сыграло решающую роль в отнесении к ней степных поселений рассматриваемого типа, в том числе и с каменным домостроительством. Именно с этого момента пересматривается определение ряда памятников, которые ранее исследователи воздерживались относить к черняховским. Наиболее подробно эта точка зрения развита Э. А. Сымоновичем, который теперь стал считать черняховскими и поселения с каменным домостроительством — Коблево, Ранжевое, Капустино, Тилигуло-Березанка⁷⁵, которые ранее к черняховской культуре не относил⁷⁶. Он пересмотрел и определение культурной принадлежности могильника Ранжевое⁷⁷ (только с труположением), который ранее также не считал черняховским.

Все исследователи довольно единогласно расценивают биритуализм черняховского погребального обряда как очень важный культурный признак, и вряд ли можно преуменьшать значение находки могильников с биритуализмом. К настоящему времени в степной зоне раскапывалось 11 могильников, относимых к черняховской культуре: девять с биритуализмом (Гавриловка⁷⁸, Каменка-Днепровская⁷⁹, Викторова-II⁸⁰, Фрунзовка⁸¹, Коблево⁸², Приморское⁸³, поздняя часть Николаевки-Казацкой⁸⁴, Каборга⁸⁵, Фурмановка⁸⁶) и два только с труположением (Ранжевое⁸⁷ и Виноградовка⁸⁸).

В настоящее время изучение степных могильников полей погребений в основном направлено на выявление и подробную разработку тех элементов погребального обряда, которые находят себе четкие аналогии в эталонных черняховских могильниках, т. е. биритуализма, характера и состава погребального инвентаря. В этом аспекте материалы могильников многократно и подробно анализировались Э. А. Сымоновичем. Однако, если ограничиться только этим, то едва ли будет воз-

⁷⁵ Э. А. Сымонович. Итоги исследований...

⁷⁶ Э. А. Сымонович. О некоторых типах поселений..., с. 135.

⁷⁷ Э. А. Сымонович. К вопросу о возникновении..., с. 183.

⁷⁸ Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья; его же. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. — МИА, № 82. М., 1960.

⁷⁹ Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры...

⁸⁰ Е. О. Сымонович. Перший черняхівський могильник в Північному Причорномор'ї. — Археологія, т. XX. К., 1966; его же. Итоги изучения..., с. 215—217.

⁸¹ А. А. Кравченко. Могильник черняховской культуры в селе Фрунзовка. — МИА, № 139. М., 1967.

⁸² Э. А. Сымонович. Итоги изучения..., с. 217.

⁸³ Э. А. Сымонович. Работы николаевского отряда...

⁸⁴ M. Ebert. Ausgrabungen bei dem "Gorodok Nikolajewka" am Dnjepr. — Prehistorische Zeitschrift, 1913, № 1-2; Э. А. Сымонович. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала нашей эры. — ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960; его же. Погребения I—III вв. н. э. Николаевского могильника на Нижнем Днепре. — АО 1966 г. М., 1967, с. 232—233.

⁸⁵ Б. В. Магомедов. Новый черняховский памятник на Березанском лимане, с. 302.

⁸⁶ Э. А. Сымонович. Разведки в Херсонской и Одесской областях. — АО 1973 г. М., 1974, с. 345—346.

⁸⁷ Э. А. Сымонович. Итоги изучения..., с. 224—230.

⁸⁸ Л. В. Субботин, И. Т. Черняков. Черняховский бескурганый могильник у с. Виноградовки. — СА, 1971, № 4.

можно правильно интерпретировать рассматриваемые памятники. Дело в том, что на могильниках черняховского типа в степи наблюдаются — и далеко не единичные, как представлялось раньше, — явления, совсем не характерные для лесостепной полосы. Они отмечены уже при первом знакомстве со степными захоронениями в Балке Дубовой⁸⁹, на могильниках в Каменке-Днепровской и в Гавриловке⁹⁰. Речь идет о наличии каменных конструкций, подбоев и склепов, заплечиков у могильных ям, остатков деревянных гробов или колод, положений костяка со скрещенными ногами. Принципиальная оценка значимости этих явлений различна. Так, Э. А. Сымонович, констатируя наличие названных особенностей, обычно не уделяет им большого внимания, связывая их с отдельными инсертными включениями в черняховскую среду, растворившимися в ней и не имеющими большого значения для изучения памятников степи⁹¹. В то же время ряд исследователей (М. А. Тиханова, Г. Б. Федоров, Э. А. Рикман) придают большое значение названным явлениям и считают необходимым их специальное изучение⁹². Однако объективная оценка значимости этих явлений с точки зрения культурной атрибуции памятников Юга оказывается крайне затруднительной. До сих пор более или менее полно опубликованы только два памятника — Гавриловка и Каменка-Днепровская. Материалы могильников Викторова-II, Коблево, Ранжевое, Приморское и Николаевка-Казацкая в этой ее поздней части, которую связывают с черняховскими племенами, опубликованы выборочно в виде отдельных информационных сообщений. Это не позволяет осуществить полный анализ тех элементов погребений, которые чужды черняховским могильникам, но находят себе вполне четкие параллели в сарматской и позднескифской культурах. Возможные в настоящее время количественные оценки очень предварительны и приблизительны, но все же заслуживают внимания. Если рассмотреть наличие хотя бы только подбоев, то получается следующая картина: в Коблево их 4 из 20 вскрытых погребений, в Викторове — 3 из 12, в Ранжевом — 4 из 20⁹³. Сходное взаимоотношение наблюдается и в Каборге — 3 из 10⁹⁴. В среднем это составляет 20%. Кроме того, в Викторове-II зафиксированы четыре погребения в катакомбах-склепах и костяки с подогнутыми или скрещенными в голенях ногами⁹⁵. На всех трех могильниках широко применялись различные каменные конструкции. Так, для Ранжевого «нормой являлось перекрытие углубления в дне могилы большими необработанными каменными плитами»⁹⁶.

⁸⁹ А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья (По материалам раскопок и разведок И. М. Фещенко, А. В. Бодянского и автора). — МИА, № 82. М., 1960, с. 174.

⁹⁰ Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья.

⁹¹ Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского..., с. 238.

⁹² Например, общезвестна точка зрения Г. Б. Федорова, связывающего само появление труположения у черняховцев с сарматским влиянием (Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. — СА, 1958, № 3).

⁹³ Все подсчеты выполнены по сведениям, взятым из указанных работ Э. А. Сымоновича, у которого количественные оценки составили 15—20% (Э. А. Сымонович. Племена Поднепровья..., с. 19).

⁹⁴ Б. В. Магомедов. Указ. соч., с. 302.

⁹⁵ Э. А. Сымонович. Итоги изучения..., с. 215.

⁹⁶ Там же, с. 225.

Рассматриваемые элементы погребального обряда, совершенно чуждые для черняховских племен лесостепи, находят весьма яркие аналогии в скифо-сарматском мире, что отмечается всеми исследователями, занимавшимися этим вопросом⁹⁷. Особенно интересно наблюдение М. Б. Шукина над поздней группой погребений Николаевки-Казачьей, которую и он, и Э. А. Сымонович относят ко времени существования черняховской культуры⁹⁸. Здесь инвентарь и керамика соответствуют представлениям о черняховской культуре, а обряд погребения, включая конструкцию могил, восходит к более ранней группе захоронений этого могильника и находит себе аналогии в Золотой Балке⁹⁹.

История выявления культурных элементов нечерняховского происхождения в степных могильниках типа полей погребений будет неполной, если не учитывать высказывавшееся М. А. Тихановой и Г. Б. Федоровым мнение о возможности готского происхождения ряда признаков. М. А. Тиханова вообще считает черняховскую культуру изначально германской и не исключает сохранения у ее носителей в течение длительного времени германских черт¹⁰⁰. Г. Б. Федоров особо подчеркнул наличие на нижнеднепровских могильниках каменных конструкций и допускал, что ряд памятников в этом районе мог принадлежать готам¹⁰¹. В настоящее время возможность проверки этой гипотезы значительно расширилась, так как стали известны новые многочисленные погребения с каменными конструкциями.

Все приведенные наблюдения при изучении степных могильников, как и при анализе керамики, требуют обратить особое внимание на их отличие от эталонных могильников лесостепи. Иначе их истинный облик ускользнет от исследователя. Кроме того, необходимо не только накопление нового материала, но и полная публикация уже имеющегося, так как без этого серьезное обсуждение вопроса невозможно.

Изучение по материалам памятников степи остальных элементов критерия культурной принадлежности (бытовых предметов, украшений и орнаментов) находится пока в зачаточном состоянии. Многие предметы, характерные для черняховской культуры (костяные гребни, стеклянные кубки, фибулы определенных типов), на памятниках представлены. Не доценивать значения этих находок не следует, так как они действительно входят в черняховский комплекс. Однако не следует забывать и того, что все эти вещи провинциально-римского типа и могут присутствовать не только на черняховских памятниках. Изучение орнаментов, возможное пока исключительно по керамике, на материалах всей степной зоны пока не осуществлено. А оно было бы перспективно, так как орнамент на керамике лесостепных памятников уже специально исследовался¹⁰² и поэтому имеется широкая возможность сопоставления.

⁹⁷ Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, с. 312; М. А. Тиханова. Локальные варианты..., с. 177.

⁹⁸ М. Б. Шукин. К истории Нижнего Поднепровья..., с. 61; Э. А. Сымонович. К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа и начала нашей эры. — ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960, с. 159.

⁹⁹ М. Б. Шукин. «Европейская сарматия» и черняховская культура, с. 8; его же. К истории Нижнего Поднепровья..., с. 61.

¹⁰⁰ М. А. Тиханова. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. — КСИА, вып. 121. М., 1970, с. 94.

¹⁰¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днепровского междуречья в I тысячелетии н. э., с. 95.

¹⁰² Э. А. Сымонович. Орнаментация черняховской керамики. — МИА, № 116. М., 1964.

Таким образом, в степной зоне обнаружено и постепенно вводится в науку огромное количество памятников, синхронных черняховским и имеющих с ними очень много общего, однако их черняховская культурная атрибуция при всей весьма высокой ее вероятности пока не доказана с необходимой степенью строгости и полноты аргументации.

А. А. КРАВЧЕНКО

ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО БЕЛГОРОДА

В литературе еще с дореволюционных времен стало привычным связывать археологический памятник в г. Белгороде-Днепровском с античным городом Тирой. Об истории этого памятника после гибели Тиры в IV в. н. э. почти ничего не известно. Сведения письменных источников ограничиваются лишь упоминанием Белгорода в «Списке русских городов дальних и ближних» (конец XIV в.)¹ и обозначением его на морских картах, портуланах, относящихся к началу XIV в., под названием Маврокастрон или Монкастро².

Первые археологические данные о Белгороде были получены при раскопках, проведенных Э. Штерном в 1900 и 1912 гг.³ Раскопки были продолжены в 1919, 1927—1930 гг. румынскими археологами П. Нико-реску и Г. Авакианом.

В результате этих работ установлено, что на развалинах Тиры лежит мощный культурный слой, содержащий богатый археологический материал позднего средневековья, начиная с конца XIII в. Однако исследования были направлены главным образом на изучение античного города и не ставили целью последовательное раскрытие средневековых напластований.

Только с 1945 г. Институтом археологии АН УССР впервые по настоящему началось исследование Белгорода как многослойного памятника⁴. С 1963 г. исследования ведутся Белгород-Тирской экспедицией с участием Одесского археологического и Белгород-Днепровского краеведческого музеев на Центральном раскопе, расположенном на северо-восток и восток от главных ворот средневековой крепости XV в. Исследуемый участок частично перекрыт насыпью гласиса, образовавшейся при сооружении рва вокруг крепости⁵.

На всей свободной от современных построек площади верхний слой сильно нарушен позднейшими вторжениями, достигавшими иногда античных остатков. Поэтому он и содержит разновременный

¹ Полное собрание русских летописей, т. VII. СПб., 1856, с. 240.

² А. Л. Бертъе-Делагард. К вопросу о местонахождении Маврокастро-на «Записки готского топарха». — ЗООИД, т. XXXIII. Одесса, 1919, с. 14—20.

³ Э. Р. Штерн. О последних раскопках в Аккермане. — ЗООИД, т. XXIII, Одесса, 1901, с. 33—61; его же. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. — ЗООИД, т. XXXI. Одесса, 1913, с. 92—101.

⁴ Л. Д. Дмитров. Белгород-Днепровська археологічна експедиція. — АП, т. II. К., 1949; его же. Розкопки в м. Белгороді-Дніпровському в 1947 р. — АП, т. IV. К., 1952; его же. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр. — АП, т. V. К., 1955; А. І. Фурманська. Розкопки Тіри в 1958 р. — АП, т. XI. К., 1962.

⁵ Ситуационный план приведен в статье И. Б. Клеймана в настоящем сборнике.